

К вопросу о бенефициарном владельце юридического лица, доли (акции) которого входят в состав закрытого паевого инвестиционного фонда

И. О. Осташевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Ostashevich.IO@rea.ru

On the Question of the Beneficial Owner of a Legal Entity with its Shares Being Part of a Closed Mutual Investment Fund

I. O. Ostashevich

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: Ostashevich.IO@rea.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы, используемые при установлении лиц, под контролем которых находится юридическое лицо, если акции или доли в уставном капитале такого юридического лица входят в состав закрытого паевого инвестиционного фонда. В подобных ситуациях выявление бенефициарного владельца, например, для целей исполнения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, либо для исполнения требований антимонопольного законодательства, существенно усложняется, поскольку по законодательству об инвестиционных фондах паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом. Кроме того, имуществом, составляющим паевой инвестиционный фонд, распоряжается доверительный управляющий на основании договора доверительного управления. Таким доверительным управляющим является профессиональный участник рынка ценных бумаг – управляющая компания, деятельность которой лицензируется Банком России. В свою очередь, у управляющей компании паевого инвестиционного фонда, как у самостоятельного хозяйствующего субъекта, могут быть контролирующие лица, никак не связанные с владельцами инвестиционных паев – юридическими собственниками имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд, которые в реальных сделках с таким имуществом не принимают какого-либо участия.

Ключевые слова: выгодоприобретатель, контролирующее лицо, прямой контроль, косвенный контроль, управляющая компания паевого инвестиционного фонда, доверительное управление имуществом, владельцы инвестиционных паев, имущественный комплекс, инвестиции, профессиональные участники рынка ценных бумаг, некредитные финансовые организации, идентификация клиента, противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Abstract

The article discusses various approaches used in determining the persons under whose control a legal entity is located, if shares in the authorized capital of such a legal entity are part of a closed mutual investment fund. In such situations, the identification of the beneficial owner, for example, for the purposes of fulfilling the requirements of the legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime, or for fulfilling the requirements of antimonopoly legislation, is significantly complicated, since under the legislation on investment funds, a mutual investment fund is not a legal entity. In addition, the trustee manages the property that makes up the mutual investment fund on the basis of a trust management agreement. Such a trustee is a professional participant in the securities market – a management company with activities licensed by the Bank of Russia. In turn, the management company of a mutual investment fund, as an independent business entity, may

have controlling persons who are in no way related to the owners of investment units – the legal owners of the property that makes up the mutual investment fund, who do not take any part in real transactions with such property.

Keywords: beneficiary, controlling person, direct control, indirect control, management company of a mutual investment fund, trust management of property, owners of investment units, property complex, investments, professional participants in the securities market, non-credit financial organizations, identification of the client, countering the legalization (laundering) of proceeds from crime.

На текущий момент для предпринимательской деятельности особое значение приобретает вопрос выявления бенефициарного владельца юридического лица. Это крайне важно для понимания возможных ограничений и запретов на ряд сделок (займы, купля-продажа недвижимости или ценных бумаг и др.), которые содержатся в Указах Президента Российской Федерации – от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» и от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами». Для корректного исполнения этих актов участникам предпринимательской деятельности важно установить, под контролем каких лиц находится юридическое лицо и нет ли среди них иностранных лиц, связанных с иностранными государствами, которые совершают в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия.

Такое пристальное внимание к контролирующим лицам сильно усложняет деятельность юридических лиц, доли в уставных капиталах или акции которых входят в состав закрытых паевых инвестиционных фондов. Связано это с неоднозначностью применимых правовых норм, содержащихся в законодательстве, регулирующем вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и в законодательстве, регулирующем паевые инвестиционные фонды.

В соответствии с подпунктом 8 статьи 6.1 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ № 115) под бенефициарным владельцем понимается физическое лицо, которое в конечном счете – прямо или косвенно (через третьих лиц) – владеет (имеет преобладающее участие в капитале в виде доли размером более 25%) юридическим

лицом либо имеет возможность контролировать его действия.

Анализируя данное определение, можно согласиться с мнением И. А. Хавановой: «Для противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, значение имеет “окончательный” контроль (“ultimate” control), а собственность компании в итоге всегда контролируется физическими лицами, юридическое лицо как “продукт юридической техники... в конечном счете служит для представления интересов определенных физических лиц”. Не случайно в качестве бенефициарного владельца для целей названного Закона рассматривается только физическое лицо» [4].

Центральный банк Российской Федерации в своем Письме от 28 января 2014 г. № 14-Т «Об информационном письме по вопросам идентификации организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, бенефициарных владельцев»¹, с одной стороны, более подробно сформулировал основания для признания бенефициарным владельцем, с другой – дал возможность для субъективного мнения при его выявлении.

Так, организация принимает решение о признании физического лица бенефициарным владельцем при наличии у такого лица возможностей контролировать действия клиента с учетом следующих факторов:

- физическое лицо прямо или косвенно (через третьих лиц) имеет преобладающее участие (более 25%) в капитале клиента или в общем числе акций клиента с правом голоса;

- физическое лицо имеет право (возможность) на основании договора с клиентом оказывать прямое или косвенное (через третьих лиц) существенное влияние на решения, принимаемые клиентом. В частности, физическое лицо имеет возможность воздействовать на принимаемые клиентом решения об осуществлении сде-

¹ См.: Вестник Банка России. – № 11 от 05.02.2014.

лок, в том числе несущих кредитный риск (о выдаче кредитов, гарантий и так далее), включая существенные условия сделок, как и финансовых операций, а также оказывать влияние на величину дохода клиента;

- в силу иных, самостоятельно определяемых организацией факторов, на основании которых физическое лицо будет квалифицировано в качестве бенефициарного владельца.

Рассматривая указанные факторы, характеризующие бенефициарный контроль, И. С. Шиткина приходит к интересному выводу о том, что «сущность фактического контроля заключается в наличии неформализованного (не основанного на формально-юридических основаниях) «господства» юридического или физического лица над подконтрольным лицом, в исключении или подавлении де-факто контролирующим лицом воли подконтрольного лица, в способности контролирующего лица определять решения подконтрольного лица» [5].

В некоторых случаях, особенно в финансовой сфере, для определения контролирующих лиц широко используются критерии, содержащиеся в Международном стандарте финансовой отчетности (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность»¹. На указанный стандарт также ссылался Банк России в своем разъяснении² при определении лиц, прямо или косвенно контролирующих учредителя (акционера, участника) микрофинансовых организаций.

Согласно п. 7 МСФО (IFRS) 10 инвестор обладает контролем над объектом инвестиций, если данный инвестор:

- обладает в отношении объекта инвестиций полномочиями, предусмотренными пунктами 10–14 МСФО (IFRS) 10;

- подвергается рискам, связанным с переменным доходом от участия в объекте инвестиций, или имеет право на получение такого дохода (пункты 15 и 16 МСФО (IFRS) 10);

- имеет возможность использовать свои полномочия в отношении объекта инвестиций с целью оказания влияния на величину дохода инвестора (пункты 17 и 18 МСФО (IFRS) 10).

Отдельно стоит обратить внимание на самостоятельно определяемые организацией факторы признания бенефициарным владельцем. На текущий момент в практике крайне редки подобные ситуации. И этому есть как минимум несколько объяснений. Во-первых, лица, которые запрашивают информацию о бенефициарных владельцах, не хотят соглашаться с таким подходом, поскольку в конечном итоге несут за него ответственность перед контролирующими органами. Во-вторых, сами организации, определяя собственного бенефициарного владельца на основании такого подхода, рискуют тем, что такая информация не будет принята банком или контрагентом без раскрытия подтверждающих документов. Кроме того, как правило, предоставляемые информация и документы подлежат проверке и могут не приниматься во внимание, если выводы не будут подтверждены внутренними службами запрашиваемой стороны. В данном случае можно согласиться с Д. Г. Алексеевой, которая приходит к выводу, что «именно кредитные организации являются основными «правоприменителями» Закона о противодействии ввиду того, что на постоянной основе осуществляют банковские операции и сделки, в том числе по переводу денежных средств, которые потенциально могут быть направлены на отмывание преступных доходов и финансирование терроризма» [1]. Добавим, что к основным правоприменителям стоит причислить не только кредитные организации, но и иные лица, на которые ФЗ № 115 возлагает обязанности по выявлению и идентификации бенефициарных владельцев: некредитные финансовые организации, профессиональные участники рынка ценных бумаг, лизинговые компании и т. д.

Дополнительно стоит отметить, что лица, на которых ФЗ № 115 возлагает обязанности по выявлению и идентификации бенефициарных владельцев, в соответствии с пунктом 3.2. Положения Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» должны иметь самостоятельно разработанную программу идентификации клиента, представителя клиента, выгодоприобретателя,

¹ Приказ Минфина России от 28 декабря 2015 г. № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Публикация от 08.02.2016. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² См.: Официальный сайт Банка России. – URL: www.cbr.ru

бенефициарного владельца, которая в том числе должна содержать перечень мер (процедур), направленных на выявление и идентификацию кредитной организацией бенефициарных владельцев клиентов, включая перечень запрашиваемых у клиента документов и информации, порядок принятия кредитной организацией решения о признании физического лица бенефициарным владельцем. Таким образом, субъективное мнение относительно бенефициарного владельца может быть не только у самой компании, но и у лиц, которые обязаны их выявлять.

Применительно к случаям, когда необходимо определить бенефициара компании, доли или акции которой входят в состав паевого инвестиционного фонда, необходимо учитывать следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Федерального закона от 29 ноября 2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее – ФЗ № 156), «паевой инвестиционный фонд – обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией. Паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом».

В пункте 1 статьи 13 ФЗ № 156 указано: «В доверительное управление паевым инвестиционным фондом могут быть переданы денежные средства, а также иное имущество, предусмотренное инвестиционной декларацией, содержащейся в правилах доверительного управления соответствующим фондом, если возможность передачи такого имущества предусмотрена правилами доверительного управления паевым инвестиционным фондом». В соответствии с пунктом 2.8 Указания Банка России от 5 сентября 2016 г. № 4129-У «О составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов», в состав активов инвестиционных фондов, относящихся к категории комбинированных фондов, могут входить любые активы, за исключением наличных денежных средств. Таким образом, в состав комбинированных закрытых паевых инвестиционных

фондов могут входить как акции, так и доли в уставных капиталах хозяйственных обществ – акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью.

Исходя из приведенного выше определения «бенефициарный владелец» с его отсылкой к тому, что такое лицо либо владеет юридическим лицом, либо имеет возможность контролировать его действия, попытка определить бенефициарного владельца юридического лица, доли (акции) которого входят в состав имущества паевого инвестиционного фонда, через бенефициарного владельца самого фонда является несостоятельной, поскольку у паевого инвестиционного фонда не может быть бенефициарного владельца исходя из буквального прочтения норм российского законодательства, поскольку паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом.

В соответствии с пунктом 2 статьи 11 ФЗ № 156 «имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, является общим имуществом владельцев инвестиционных паев и принадлежит им на праве общей долевой собственности». В то же время нужно учитывать и другие положения данного пункта, а именно то, что «учредитель доверительного управления передает имущество управляющей компании для включения его в состав паевого инвестиционного фонда с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления», а также то, что «раздел имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд, и выдел из него доли в натуре не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом». С этим же связано еще одно важное положение данной статьи: «Присоединяясь к договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом, физическое или юридическое лицо тем самым отказывается от осуществления преимущественного права приобретения доли в праве собственности на имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд. При этом соответствующее право прекращается».

Анализируя в совокупности данные нормы ФЗ № 156, Е. А. Суханов приходит к важному выводу: «Очевидно, что отношения по поводу ПИФов не имеют ничего общего с обычной общей долевой собственностью. Главное же состоит в том, что эти обязательственные по своей юридической природе отношения и не нуждаются

в дополнительной (явно избыточной) квалификации в качестве вещных отношений общей собственности, которая в ряде случаев лишь запутывает очевидную ситуацию» [3].

В тоже время, в соответствии с пунктом 3 статьи 11 ФЗ № 156, управляющая компания паевого инвестиционного фонда осуществляет доверительное управление паевым инвестиционным фондом путем совершения любых юридических и фактических действий в отношении составляющего его имущества, а также осуществляет все права, удостоверенные ценными бумагами, составляющими паевой инвестиционный фонд, включая право голоса по голосующим ценным бумагам. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что управляющая компания паевого инвестиционного фонда имеет возможность контролировать действия общества, доли в уставном капитале которого входят в состав имущества паевого инвестиционного фонда.

Данная позиция подтверждается, например, разъяснениями Федеральной антимонопольной службы (ФАС), которая приходит к выводу о том, что «организация, осуществляя деятельность по доверительному управлению несколькими паевыми инвестиционными фондами, имеет право голоса по голосующим акциям, входящим в состав любого из этих фондов, и в случае совершения сделок, иных действий, подлежащих государственному контролю за экономической концентрацией и направленных на приобретение голосующих акций (долей в уставных капиталах) в состав любого из этих фондов, получает право распоряжаться такими акциями (долями в уставных капиталах)»¹.

Банк России в пункте 2.21 Положения от 16 ноября 2018 г. № 660-П «Об общих собраниях акционеров» устанавливает, что в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании, включаются «управляющие компании паевых инвестиционных фондов, если акции общества, предоставляющие акционерам – их владельцам право голоса по вопросам, включенным в повестку дня общего собрания, составляют имущество паевых инвестиционных фондов».

Федеральная налоговая служба России в пункте 41 Приказа от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств», разъясняя порядок заполнения документов, указывает, что при заполнении раздела «Сведения о паевом инвестиционном фонде, в состав имущества которого включается доля в уставном капитале создаваемого юридического лица» необходимо указывать сведения об управляющей компании, осуществляющей управление паевым инвестиционным фондом.

В судебной практике можно также найти подтверждение позиции, что именно управляющая компания осуществляет управление обществом, доли которого входят в состав имущества паевого инвестиционного фонда. Так, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 29 мая 2009 г. по делу № А56-45466/2008 суд приходит к выводу: «права и обязанности учредителя с долей уставного капитала Общества в размере 80% на основании учредительных документов Общества исполняет Управляющая компания БФА, являющаяся д. у. Фонда «Перспектива», наименование которой и ее статус доверительного управляющего должны быть указаны в разделе 2 листа Г формы Р14001 заявления, представляемого для государственной регистрации изменений в ЕГРЮЛ».

Резюмируя указанные позиции, можно согласиться с выводом Д. В. Ломакина, по мнению которого «определенный законом статус управляющей компании паевого инвестиционного фонда как доверительного управляющего таков, что именно он (а не владельцы инвестиционных паев – формальные совладельцы акций, входящих в фонд) осуществляет в полном объеме все корпоративные права» [2]. Но, к сожалению, на практике лица, запрашивающие информацию о бенефициарном владельце, могут не принимать во внимание особенности правового статуса управляющих компаний паевых инвестиционных фондов и ошибочно указывать владельцев инвестиционных паев в качестве бенефициарного владельца компании, акции (доли) которой составляют имущество такого фонда.

Таким образом, в случаях, требующих выявления бенефициарного владельца компании, акции (доли) которой составляют имущество паевого

¹ Разъяснения Федеральной антимонопольной службы от 29 декабря 2018 г. «Об особенностях контроля антимонопольного органа за экономической концентрацией в отношении финансовых организаций». – URL: <https://fas.gov.ru/>

го инвестиционного фонда, нет однозначной позиции, позволяющей достоверно определить указанное лицо. Такое положение дел создает дополнительное препятствие в использовании пае-

вых инвестиционных фондов как актуального механизма для привлечения инвестиций в экономику государства.

Список литературы

1. *Алексеева Д. Г.* Правовые проблемы, возникающие при идентификации кредитными организациями бенефициарных владельцев // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 1. – С. 49–61.
2. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. – М. : Статут, 2021.
3. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017.
4. *Хаванова И. А.* Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 50–60.
5. *Шиткина И. С.* Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М. : Статут, 2022.